

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09 – 31+929 Загоскин

ФЕНОМЕН ДРЕВНЕРУССКОГО ЮРОДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА М.Н. ЗАГОСКИНА «ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ»

М.А. Горбатов

Саратовский государственный университет
E-mail: arctos@yandex.ru

XVII век – эпоха Смутного времени и период расцвета юродства на Руси. Создавая первый русский исторический роман, М.Н. Загоскин не мог не ввести в повествовательную ткань фигуру христианского подвижника. В статье показана возможность прочтения эпизодов, где участвует юродивый, с привлечением текста Священного Писания.

Ключевые слова: исторический роман, юродство, притча, фольклор, проповедь, провидение.

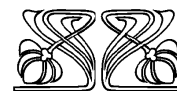
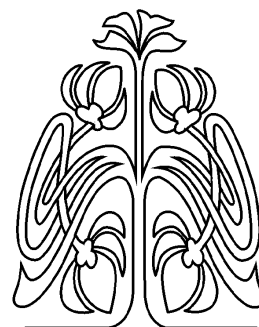
Old Russian Feeble-Mindedness Phenomenon in the Fiction Space of the Novel «Yuri Miloslavsky, or Russians in 1612» by M.N. Zagoskin.

M.A. Gorbatov

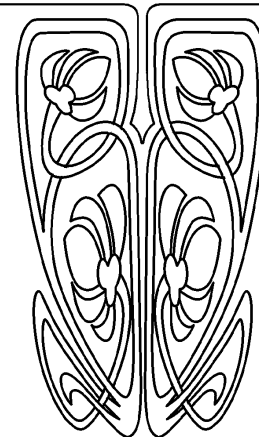
The 17-th century is the Time of trouble and the age of feeble-mindedness flourishing in Russia. Composing the first Russian historical novel M.N. Zagoskin could not help bringing the figure of Christian associate in the narration. The article shows ways of interpretation of some episodes with the «God's fool» using Scriptural passages.

Key words: historical novel, feeble-mindedness, parable, folklore, sermon, foresight.

Феномен древнерусского юродства в последнее время вновь привлекает внимание исследователей. Пересматриваются устоявшиеся представления, предлагаются новые¹. Концептуально важной для нас представляется работа И.В. Мотеюнайте². Существенно, что в поле зрения исследовательницы – произведения писателей XIX–XX вв., «в которых герой, называемый автором “юродивый”, дан крупным планом»³ (в частности исторический роман М.Н. Загоскина). Рассматривая примеры художественной интерпретации юродства, И.В. Мотеюнайте выделяет «набор признаков, оказавшихся обязательным для героя, называемого автором “юродивый”. Это особая связь с божественным началом и демократической культурой, поведенческая и речевая выразительность, странничество и тотальное одиночество героя, отвергаемого миром, неоднозначность восприятия его людьми (святой/сумасшедший). Ни одна из этих черт не является уникальной и специфичной именно для героя-юродивого, но взятые вместе, они определяют его образ в литературе»⁴. По мнению автора, «чудесные способности юродивого для авторов XIX века, создающих образы действительно святых подвижников, далеко не обязательны. Более важными для них стали черты, свидетельствующие о человеческом мужестве в христианском служении. Первым был пушкинский Николка, в исторических романах М.Н. Загоскина и А.К. Толстого мы наблюдаем продолжение этой традиции: оба автора не развивают мотив сверхъестественных способностей в создании образа (хотя и отмечают их), зато акцентируют совесть, честность, благородство души, бесстрашие. Их юродивые являются высоким примером христианского образа жизни

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

как нравственного, этически безупречного. В их образах устойчивы мотивы страдания, аскетичности, нестяжания – т.е. свидетельствующие об исполнении христианских заповедей. Эти литературные образы иллюстрируют доминирование этики над мистикой в восприятии юродства писателями⁵. Разделяя в целом позиции Мотейонайте, заметим, что, по нашему мнению, в реферируемой монографии фигуре юродивого Мити в «Юрии Милославском» не уделено должного внимания. В связи с этим целью данной статьи является попытка представить этот образ более детально – путем «комментирования» сцен в романе Загоскина, где участвует юродивый, в соотносении с текстом Священного Писания, поскольку фигура названного персонажа неотделима от народно-православной и книжно-церковной традиций, а интерпретация речений «безумца» важна для понимания духовно-нравственного потенциала произведения.

С именем Михаила Николаевича Загоскина и его романом «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) связывают, как известно, рождение русского исторического романа. Пытаясь создать «подлинно русский» исторический роман, описывая события Смутного времени, Загоскин не мог не ввести в роман фигуру юродивого. С одной стороны, источником сведений для создания образа могли послужить Четы-Минеи⁶. С другой стороны, известно, что журналист М.Н. Макаров, рекомендуя романисту по его же просьбе круг литературы по русской старине, советовал «читать примечания к “Истории государства Российского”, да и самое “Историю”, том 8, 9, 10 и 11»⁷. Из этих томов Загоскин мог почерпнуть интересующий его материал⁸.

Как известно, расцвет этого явления приходится на XV – первую половину XVII в., и к этому периоду «юрродство стало русским национальным явлением»⁹ [здесь и далее курсив наш. – М.Г.]. По определению С.А. Иванова, в средневековье «юрродивым называли человека, из благочестивых соображений *симулирующего безумие или эпатажирующего окружающих другими способами*»¹⁰. Описывая в своем романе внешность Мити, Загоскин обращает внимание читателей на то, что «несмотря на нищенскую его одежду и странные ухватки, сейчас можно было догадаться, что *он не сумасшедший: глаза его блистали умом, а на благообразном лице выражалась необыкновенная кротость и спокойствие души*»¹¹ (с. 124). Иными словами, Митя является «добровольным», «Христа ради» юродивым, проявляя «активную сторону»¹² рассматриваемого феномена: он живет среди людей, чтобы «ругаться миру», обличать пороки и грехи окружающих. В изображении героя-юрродивого М.Н. Загоскиным наблюдается следование историческим традициям (появление в толпе, выделение внешностью и поведением). Насколько нам известно, Митя – образ вымышленный, не имеющий исторического прототипа.

В подтверждение этой мысли приведем отрывок из письма В.А. Жуковскому от 20 января 1830 г.: «Если действующие лица, выведенные мной в романе “Милославский”, походят на русских 1612 года; *если Юрий, Алексей* [слуга Милославского. – М.Г.], *Шалонский, Туренин* [бояре-изменники. – М.Г.], *юрродивый, земский ярыжка могут назваться представителями различных гражданских состояний своего времени, то, не смотря на то что сии лица не исторические, я не мог дать вернейшего названия своему роману*»¹³.

Юродивый появляется в романе всего три раза, и тем не менее, ему отведена достаточно важная сюжетобразующая роль. Знакомство с ним происходит в доме Кручины-Шалонского во время пира с поляками. Надо отметить, что его явление в доме боярина-изменника не случайно: «юрродивые нередко вращались среди самых пророчных членов общества, среди людей погибших в общественном мнении, и многих из таких отверженных возвращали на путь истины и добра»¹⁴. С другой стороны, «поляки и русские в XVII веке имели чрезвычайную и непомерную охоту к питью. Ибо известно также, что до времени Петра Великого все знатные Россияне праздное время препровождали в пирушках»¹⁵.

К концу обеда, когда гости порядком захмелели, Шалонский предлагает выпить за победителей Смоленска (поляков). Милославский же, несмотря на то, что целовал крест польскому королевицу Владиславу, как истинный патриот провозглашает свой тост:

« – Да здравствует законный царь русский, и да погибнут все враги и предатели отечества!»). В это время, замечает писатель, «раздался громкий голос за дверьми столовой»:

« – Аминь! <...> Двери отворились, и человек средних лет, босиком, в рубище¹⁶, подпоясанный веревкою, с растрепанными волосами и всклокоченной бородою в два прыжка очутился посреди комнаты» (с. 124). Произнося слово, используемое в молитвах для подтверждения истинности сказанного, юродивый как бы заранее «прогнозирует» исход войны с поляками. В этой сцене Митя ведет себя так, как и «подобает» юродивому – он лицедействует, поскольку «юрродство обретает смысл только в том случае, если разворачивается <...> на глазах у людей»¹⁷. Пытаясь усознать Шалонского, юродивый апеллирует к его окружению, привлекая в помощники боярина Замятню-Опалева¹⁸:

« – Послушай-ка, Гаврилыч! – продолжал юродивый, обращаясь к Замятне. – Ты книжный человек; где бишь это говорится: “Сеявый злая, пожнет злая”?»

– В притчах Соломоновых¹⁹, – отвечал важно Замятня <...>

– Слышишь ли, Федорыч! что говорят умные люди? А мы с тобой дураки, не понимаем, как не понимаем!» (с. 125–126). В Толковой Библии эта притча объясняется так: «богатством и вообще

благополучием можно пользоваться как к добру, так и к злу»²⁰. Таким образом, и здесь юродивый не упускает случая продолжить лицедействовать, имитируя невежество и высмеивая псевдоученность некогда сильного мира сего, а также попытаться образумить Шалонского.

Появление в доме Кручины-Шалонского юродивого Мити вызывает у всех присутствующих, кроме хозяина, неподдельный интерес. Примечательна в этом плане реплика польского региментаря пана Тишкевича: «*Я никогда не видывал ваших юродивых: послушаем, что он будет говорить*» [как известно, римско-католической культуре феномен юродства не присущ. – М.Г.]. Именно юродивому Загоскину «доверил» высказывать прямо в лицо поляку отношение к иноземным захватчикам. Митя «играет» с Тишкевичем, притворяется, что боится его («*Вишь ты какой усатый!.. Боюсь!*»), но как только региментарь предлагает ему серебряную монету, юродивый в притчево-иносказательной манере говорит об изгнании поляков:

«*Я ведь на своей стороне: с голоду не умру; побереги для себя: ты человек заезжий.*

– Возьми, у меня и без этой много.

– Ой ли? Смотри, чтоб достало!.. *Погостишь, погостишь, да и надо же в дорогу... Не близко место, не скоро до дому дойдешь... <...> Береги денежку на черный день!*» (с. 125). Подтекст речей Мити конкретизирует содержание словицы, превращает ее в совет убираться восвояси. Об этом же говорят смелые двусмысленные реплики юродивого:

« – Я черных дней не боюсь, Митя.

– И я, брат, в тебя! Не боюсь ничего; пришел незванный, да и все тут!.. *А как хозяин погонит, так давай бог ноги!*». И.В. Мотеев подчеркивает, что «в русской литературе распределение “активных” и “тихих” юродивых зависит не столько от времени действия, сколько от индивидуальности писателя. Каждый строит образ в соответствии с представлением о “темпераменте юродства” вообще и собственными доминантами мироотношения. Провокационность поведения юродивого тесно связана с полемическим потенциалом юродства; в зависимости от авторской установки (в конкретном тексте или в мировоззрении) эта черта и бывает востребована. Не являясь стержневой в образе (не становясь мотивом), агрессивность может быть все же отмечена в герое штрихом». Провокационность поведения – значимая черта всех героев-юродивых, «если не явно, то имплицитно присутствующей в образе»²¹. Как представляется, поведение юродивого в сцене с региментарем Тишкевичем, двусмысленные речи о скором освобождении русского народа от польского захвата позволяют несколько «расширить» тезис И.В. Мотеева о том, что в романе Загоскина «юродские предсказания узко личностны: не судьба народа, а жизненный путь человека нуждается в осмыслении неба»²². Митя принад-

лежит к числу тех персонажей романа, с которыми связана мысль о православно-религиозных основах борьбы русского народа против польских захватчиков. Среди них – Авраамий Палицын, отец Еремей. Это очень разные персонажи, но всех их объединяет христианская идея. Внушая боярину Тимофею Федоровичу мысль о воздаянии и возмездии, Митя приговаривает: «*Бедненький ох, а за бедненьким бог!*»²³. Вокруг этого босого человека в рубище нет ореола мученичества, но он готов пострадать за Божью правду.

Митя образно передает и личную коллизию Юрия Милославского, который дал клятву и теперь страдает, что не может ее нарушить и действовать так, как велит ему его патриотическое чувство: «*Связал себя по рукам, по ногам!..*» (с. 161). Как представляется, имя юродивого не случайно совпадает с именем отца Юрия: он как бы выполняет в романе функцию «духовного» отца героя, появляясь в переломные моменты жизни. Он понимает, какое великое дело готовится, видит суть мирских дел, человеческую сущность окружающих.

Более всего притчево-иносказательная манера речей юродивого проявляется в общении с боярином-изменником. Отчасти сцена застолья в доме Кручины-Шалонского напоминает пир ветхозаветного царя Валтасара во время осады Вавилона персами:

«Он [боярин Шалонский. – М.Г.] спросил позолоченный кубок и, вылив в него полбутылки мальвазии, встал с своего места; все последовали его примеру.

– Ну, дорогие гости! – сказал он. – Этот кубок должен всех обойти. Кто пьет из него <...> тот друг наш; кто не пьет, тот враг и супостат! За здравие светлейшего, державнейшего Сигизмунда, короля польского и царя русского!» (с. 121). – Ср.: «Валтасар царь сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих <...> Вкусив вина, Валтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды <...> чтобы пить из них царю, вельможам его <...> Пили вино и славили богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных» (Дан. 5:1–2, 5:4). Подобно таинственной руке, начертавшей на стене слова, предвещавшие скорую гибель ветхозаветного царя, в сцене пира в доме Шалонского появляется юродивый. По преданию, на стене дворца появилась надпись: «МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН» – «МЕНЕ, МЕНЕ – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ – ты взвешен на весах и найден очень легким; УПАРСИН (ПЕРЕС) – разделено царство твое» (Дан. 5:24–28)²⁴. Юродивый трижды обращается к Кручине-Шалонскому:

1. «Худо, Федорыч, худо!.. Митя шел селом да плакал: мужички испытые²⁵, церковь на боку... а ты себе на уме: попиваешь да бражничаешь с приятелями!.. А вот как все приешь да выпьешь, чем-то станешь угощать нежданную гостью?.. Хвать, хвать – ан в погребу и вина нет! <...>

смерть придет, как бог велит... Ты думаешь – со двора, а голубушка – на двор» (с. 124). – Ср.: «МЕНЕ, МЕНЕ» [«исчислил Бог царство твое и положил конец ему»]. Юродивый обращает внимание боярина на то, что своими бесчинствами²⁶, праздным времяпрепровождением Тимофеем Шалонский переполнил чашу христианского терпения. Проявляя злое своеволие, Кручина обрекает собственную дочь Анастасию на замужество с паном Гонсевским²⁷, и, согласно авторской логике, это двойное несчастье: во-первых, потому, что она вынуждена идти за немилото в угоду отцу, а во-вторых, за поляка – врага православных.

II. «... жаль мне тебя, голубчик, право жаль! То-то вдове дело!.. Некому тебя ни прибрать, ни прихорить!.. Смотри-ка, сердечный, как ты замаран!.. чернехонек!.. местечка беленького не осталось!.. Эх, Федорыч, Федорыч!.. Не век жить неумойкою! Пора прибраться!.. Захватит гостя немытого, плохо будет!» (с. 125). – Ср.: «ТЕКЕЛ» [«ты взвешен на весах и найден очень легким»]. То есть поступки боярина взвешены на весах христианской морали. Душа Шалонского оказывается запятнанной грехами, и потому он найден «очень легким». В повествовательной ткани романа находим такую авторскую характеристику Шалонского: «Мы должны заметить нашим читателям, что гордый боярин Кручина славился своей роскошью и что его давно уже упрекали в подражании иноземцам и в явном презрении к простым обычаям предков»²⁸ (с. 83). Юродивый призывает боярина к покаянию, чтобы предстать «чистым» пред Престолом Всевышнего, поскольку человеку неизвестно, где и когда его постигнет смерть.

III. «А как Федорычу придется охать, то-то худо будет!.. Он заохает, а мужички его вдвое... Он закричит “Господи помилуй”... а в тысячу голосов завопят: “Он сам никого не миловал”... Так знаешь ли что, Федорыч? из-за других-то тебя вовсе не слышно будет!..» (с. 126). – Ср.: «ПЕРЕС» [«разделено царство твое»]. Предчувствуя скорую развязку войны, боярин Шалонский решает отправиться к войску пана Хоткевича²⁹. По сюжету романа Юрий Милославский отправляется со своим слугой в стан князя Пожарского. По дороге они попадают в руки повстанцев под предводительством отца Еремея³⁰. Из разговора с начальником отряда становится известно, что один из повстанцев вызвался довести обоз Шалонского до войска Хоткевича, но вместо этого привел в засаду. После ожесточенной схватки, в которой боярин Кручина был смертельно ранен, «шиши» [разбойники. – М.Г.] становятся обладателями богатой добычи: сундуков «с добром... серебряной посуды возов с пятью, а казны на тройке не увезешь!» (с. 245).

Второе появление юродивого в романе – встреча с Милославским близ Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде. В присущей ему манере Митя предсказывает Юрию душев-

ные метания, связанные с присягой польскому королевичу:

«Жаль мне тебя, сердечный! Для всех будет праздник, а для тебя будни.

– Как так, Митя?.. Разве я не православный?

– Вот то-то то и горе, Дмитрич: ты, чай справляешь праздники по московским святым?

– Я тебя не понимаю.

– Мало ли чего ты не понимаешь! Сам виноват: не спешить бы молодцу, не пришлось бы каяться!..» (с. 161). Юродивый как бы намекает Милославскому на московскую присягу католику, в то время как они находятся в «свободном» Новгороде, где собирается народное ополчение. Узнав о том, что Милославский остановится у другого, более коварного боярина-изменника – Истома-Туренина – юродивый предостерегает его: «Из огня да в полымя!.. Ну, Дмитрич! держи ухо востро!..». И далее Митя говорит словами из Нового Завета: «Ты, чай, знаешь, где написано: “Будьте мудры яко змии и цели яко голубие?” Смотри не поддавайся!» (с. 161). В Евангельском тексте эти слова произносит Иисус, посылая апостолов на проповедь: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты как голуби» (Мф. 10:16). Иными словами, юродивый предрекает Милославскому грядущие испытания, призывает его быть расудительным и оставаться при этом кротким – в духе христианского смирения.

Поистине кульминационным можно назвать третье и последнее явление юродивого в романе: в сцене, когда после нападения шишей боярин Кручина находится на смертном одре, необходимая забота о нравственном здоровье людей, предписанная поведению юродивых³¹, проявляется с особой силой. Его душа открыта для постижения нравственно-религиозного, высшего смысла происходящего. Митя призывает боярина оценить прожитую жизнь и пересмотреть ценностные ориентиры: «что б ты стал делать, горемычный, если бы господь не умилосердился над тобою и не дал тебе времени принарядиться да раззнакомиться с твоими приятелями? Оглянись-ка, Федорыч! посмотри, сколько их стоит за тобою! и гордость, и злость, и неправда, и убийство, и всякое нечестие... Эй, Федорыч! не губи себя, голубчик! отрекись от этих друзей, не бери их с собою! Ведь двери-то на небеса небольшие – с такой оравой туда не пролезешь!» (с. 259). Боярин, размышляя с позиций человека, которому недоступна высшая истина, остается непреклонным:

«– О чем ты говоришь, юродивый? чего ты от меня хочешь?.. Покаяния?.. Нет!.. поздно!.. Если всё правда, чему я верил в ребячестве, то приговор мой давно уже произнесен! <...> если из двух дорог я выбрал одну и шел по ней всю жизнь мою, то могу ли перед смертью возвратиться опять на перепутье?» (с. 259). Однако юродивый, проявляя подлинно христианскую заботу о душе ближнего, в ответ укоряет боярина, обращаясь к нему с пыл-

кой проповедью о Божьем милосердии: «Хуже ли ты разбойника, который, умирая, сказал: “Помоги мне, господи! Егда приидеши во царствии твоем!” («И сказал Иисусу: помани меня, Господи, когда придеши в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю»). Лк. 23:42–43) <...> возведи скорбящий взор к отцу нашему, пожелай только быть вместе с ним, и он уже с тобою, и он уже в душе твоей!..» (с. 260). Пламенной речью о всепрощающей любви Создателя Митя добивается того, что «закоснелое в преступлениях сердце боярина Кручины забилось раскаянием; с каждым новым словом юродивого изменялся вид его, и, наконец, на бледном, полумертвом лице изобразилась последняя ужасная борьба порока, ожесточения и сильных страстей – с душою, проникнутою первым лучом небесной благодати». Юродивый как хранитель и проповедник норм христианской этики готов отдать собственную жизнь ради покаяния Шалонского, но тут же сам осознает, что это – «ничтожная жертва, дабы подвигнуть к милосердию того, кто есть беспредельная любовь...» (с. 260). Как бы в подтверждение слов Мити в предсмертный час Кручины-Шалонского «чудесным образом» появляется священник, который заблудился по дороге с требою к другому умирающему. По авторскому замыслу фигура боярина-изменника, раскаяние и получаемое им перед смертью отпущение грехов призваны «подтвердить» значимость образа юродивого как носителя высших истин.

Как отмечает Г.П. Федотов, «не случайно, что пророческое служение юродивых получает в XVI веке социальный и даже политический смысл <...> Юродивые принимают на себя служение древних святителей и подвижников <...> Юродивый вместе с князем вошли в Церковь, как поборники Христовой правды в социальной жизни»³².

С.Т. Аксаков высоко оценивал художественный и нравственный потенциал образа Мити: это «явление исключительно русское, выхваченное из народной жизни, стоит выше всех и может назваться художественным созданием; оно написано с такою сердечною теплотою, которая проникает в душу каждого человека, способного к принятию такого рода впечатлений. Это характер очень трудный: малейшее несоблюдение меры, в ту или другую сторону, уничтожило бы его высокое достоинство. Чувство любви христианской и религиозного настроения, которыми постоянно был проникнут сочинитель, перешли на бумагу»³³.

Позже в письме П.А. Корсакову от 28 июня 1840 г. Загоскин признавался: «Я не сомневаюсь, убежден, верую, что мой первый роман обязан своим успехом именно религиозному чувству, которым он согрет <...> Я полагаю, что религиозность в романе состоит в том, чтоб при всяком удобном случае напоминать читателю, что земная жизнь есть не цель, а только средство к достижению цели; что без христианской религии нет

истинного просвещения <...> одна только вера во Христа дает человеку возможность быть истинно добродетельным: все это – видит бог – может быть, очень дурно, – но я стараюсь выполнять во всех моих сочинениях»³⁴.

Притчевость, образность, иносказательность, присущие речи юродивого, приводят к тому, что пословицы и поговорки как бы растворяются в ней, перестают быть контрастными элементами: «юродивые не изобретают оригинальных принципов кодирования. Будучи плоть от плоти народной культуры, они пользуются теми же приемами, какими пользуется фольклор <...> Из фольклора юродство заимствует и принцип загадки и притчи»³⁵. По мнению В.Н. Топорова, «загадка часто не предполагает нахождения ответа со стороны непосвященного, и в таких случаях криптографические задачи важнее коммуникационных. Характерно, что язык загадок во многих традициях резко отличается от языка других фольклорных жанров вообще и в сторону не понятности, в частности»³⁶. Как отмечает Мотеюнайте, «образы юродов в русской литературе естественно вписаны в народную среду. Это отражается в текстах по-разному: местом обитания и общением, социальными характеристиками речи, сознания и поведения, местом в композиции персонажей»³⁷. «Загадочные речи» в житийной литературе и народных сказках, как известно, служат признаком житейской мудрости.

А. Песков полагает, что Загоскин приводил изречения из Библии по памяти³⁸. Свидетельством хорошего знания Священного Писания служат материалы рабочей тетради М. Загоскина, хранящейся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, в которой есть указания самого писателя на источники, откуда им заимствованы изречения³⁹. Косвенным подтверждением также может служить письмо А.П. Курбатова М. Загоскину от 13 июня 1830 г., где он просит романиста уточнить цитируемые отрывки из Библии, чтобы облегчить поиск переводчице и найти соответствующие в английской⁴⁰. Воспоминания сына писателя – С.М. Загоскина – существенно дополняют представление о том, насколько хорошо автор «Юрия Милославского» знал Священное Писание: «Молельня его <...> походила на маленькую часовню. Все стены были покрыты образами в ризах и в особых кивотах, перед которыми теплились лампы. В одном углу стоял аналой с Евангелием и крестом и столик с молитвенными книгами»⁴¹.

Введение в речь юродивого пословиц, поговорок, пословичных выражений, притч, объединение двух реально сосуществовавших традиций – древнерусской книжной и народной устной – приводит к тому, что образ получается убедительным, объективно значимым, позволяя романисту достичь подлинной достоверности в соответствии с принципами художественного историзма.

Примечания

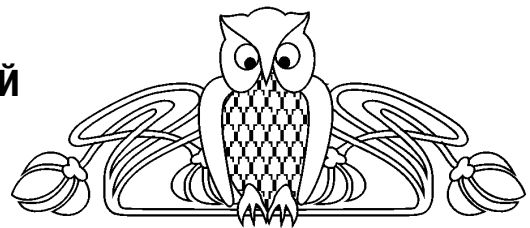
- 1 См., напр.: *Гурин С.* Проблема маргинальности в философской и религиозной антропологии: дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2003. 366 с.; *Иванов С.* Византийское юродство. М., 1994. 236 с.; *Он же.* Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005. 448 с.
- 2 *Мотеюнайте И.* Восприятие юродства русской литературой XIX–XX веков. Псков, 2006. 304 с.
- 3 *Мотеюнайте И.* Указ. соч. С. 19.
- 4 *Там же.* С. 123.
- 5 *Там же.* С. 128–129.
- 6 Четьи-Минеи – (от греч. «месячный» и старослав. «четьи» – чтения) – сборники оригинальных и переводных памятников, житийных и риторических церковно-учительных слов и других сочинений отцов церкви, предназначенных в средневековье для ежедневного «душеполезного» чтения в течение месяца. Большую работу по собиранию «святых книг, которые в Русской земле обретаются», предпринял Новгородский митрополит Макарий (1528–1563). Именно ему принадлежит заслуга составления сводного варианта Четий-Миней – так называемых «Великих Миней-Четий», носящих теперь его имя, в состав которых вошли жития и похвальные слова святым, статьи из многочисленных религиозно-дидактических сочинений. Подробнее см.: *Кирпичников А.* Миней-Четьи // *Христианство: Энциклопедический словарь*: в 3 т. / гл. ред. С.С. Аверинцев. М., 1993–1995. Т. 2: Л–С. С. 112.
- 7 См.: Фонд М.Н. Загоскина (1789–1852) // ОР РНБ. Русские архивные фонды XVIII–XXI веков. Ф. 291. № 105: Письмо М.Н. Макарова к М.Н. Загоскину. [Без даты]. 6 лл.
- 8 См., напр., упоминание о Николе Салосе: *Карамзин Н.* История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. Гл. 3: Продолжение царствования Иоанна Грозного. 1569–1572. С. 153–154, 571; 1824. Т. 10. Гл. 4: Состояние России в конце XVI века. С. 135, 283–284, 443, 460.
- 9 *Лихачев Д., Панченко А., Поньрко Н.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 73.
- 10 *Иванов С.А.* Византийское юродство. С. 4.
- 11 Здесь и далее текст романа цитируется по изданию: *Загоскин М.Н.* Соч.: в 2 т. / сост., вступ. ст. и коммент. А. Пескова. М., 1988. Т. 1: Историческая проза. 734 с. (Ссылки приводятся в круглых скобках с указанием страниц).
- 12 *Лихачев Д., Панченко А., Поньрко Н.* Указ. соч. С. 79.
- 13 Цит. по: *Загоскин М.* Соч.: в 2 т. / сост., коммент. С. Панова, А. Пескова. М., 1988. Т. 2: Комедии. Проза. Стихотворения. Письма. С. 722–723.
- 14 [*Каракаш Н.*] Юродивые // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* СПб., 1904. Т. XLI: Эрдан-Ййценюшение. С. 421. См. также: *Гревс И.* Юродивые // *Христианство: Энциклопедический словарь.* Т. 3: Т–Я. С. 286–287.
- 15 *Успенский Г.П.* Опыт повествования о древностях русских: 2-е изд., испр. Харьков, 1818. Ч. 1: О обычаях россиян в частной жизни. Гл. IV: О яствах, напитках и пиршествах. С. 78–79.
- 16 А.М. Панченко определяет наготу как одну из специфических черт юродства, поскольку голое тело – демонстрация презрения к тленной плоти. Но нагота имеет и скрытый смысл: она вводит в соблазн. Подробнее об этом см.: *Лихачев Д., Панченко А., Поньрко Н.* Указ. соч. С. 92–93. «Одевая» юродивого, Загоскин лишает этот образ провоцирующего начала, поскольку Митя для него – носитель высших истин.
- 17 *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Указ. соч. С. 85. Ср. также: поведение юродивого «в литературных произведениях вряд ли можно охарактеризовать как театрализованное в точном смысле слова. Однако оно, как правило, продумано и не отличается простодушием, сохраняя элемент игры <...> Это поведение, рассчитанное на определенную реакцию» (*Мотеюнайте И.* Указ. соч. С. 131).
- 18 В романе об этом персонаже говорится, что он служил думным дворянином при царе Феодоре Иоанновиче и «привык употреблять в разговорах, к стати и некстати, изречения, почерпнутые из церковных книг, буквальное изучение которых было в тогдашнее время признаком отличного воспитания и нередко заменяло ум и даже природные способности, необходимые для государственного человека» (с. 117).
- 19 Ср.: Притч. 22:8 – «Сеющий неправду пожнет беду». В связи с этим нельзя не согласиться с А.С. Куриловым, заметившим, что Загоскин «напомнил, что на Руси издавна были в чести благородство, достоинство, нравственная сила, доброе имя, фамильная гордость, твердое, верное слово и неизменные – беззаветность и самоотверженность, если речь заходила о свободе и независимости родины, ее будущем <...> Правящим кругам в первую очередь адресовались слова: “Сеявший злая, пожнет злая”, – ставшие как бы лейтмотивом начала и развязки сюжетных событий романа». Подробнее см.: *Курилов А.* «Услышать уроки истории...» // *Полевой Н.* Избранная историческая проза / сост., вступ. ст. и коммент. А.С. Курилова. М., 1990. С. 16.
- 20 Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в 3 т.; 2-е изд. (репринт.). Стокгольм: Ин-т перевода Библии, 1987. Т. 1: Бытие – Притчи Соломона. С. 482. Как отмечает А.П. Лопухин, книга Притч Соломона по своему характеру – «поэтически-дидактическая, в поэтической форме излагающая возвышенные религиозно-философские истины с вытекающими из них нравственными положениями <...> Книгу Притч Соломона можно назвать философско-религиозным трактатом, в котором автор излагает добытые разумом и житейским опытом истины в формах дидактическо-поэтической речи, способной производить сильное впечатление на слушателей. Многие изречения этой книги вошли в народное мирозерцание». Подробнее см.: *Лопухин А.* Притчи Соломона // *Христианство: Энциклопедический словарь.* Т. 2: Л–С. С. 393.
- 21 *Мотеюнайте И.* Указ. соч. С. 132–133.
- 22 *Там же.* С. 137.
- 23 В свое время С.Т. Аксаков упрекнул М. Загоскина в «искажении» пословицы: «Беденький ох, а за беденьким бог; зачем изменять народную пословицу в народном романе? Надобно сказать: голенький ох, а за голеньким бог!» (*Аксаков С.Т.* «Юрий Милослав-

- ский, или Русские в 1612 году: Исторический роман в трех частях». Соч. М.Н. Загоскина // Московский вестник. 1830. № 1. С. 83–84). Можно предположить, что Загоскин намеренно изменил народный афоризм по «этическим» соображениям, поскольку употребление слова «голенький» могло вызвать недвусмысленные ассоциации в отношении фигуры юродивого, чего автор романа допустить не мог.
- ²⁴ В Энциклопедическом словаре христианства значатся слова «мене, мене, текел, фарес» (см: Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 2. С. 101). По поводу лингвистических особенностей перевода указанных слов из Ветхого Завета см.: *Соловейчик И.И.* О значении загадочных слов: мани, текел, фарес в книге Даниила // Журнал министерства народного просвещения. 1904. Ч. CCCLI. Янв. С. 295–357.
- ²⁵ В толковом словаре В.И. Даля приводятся несколько значений этого слова: «ИСПИТОЙ, испить, см. испивать; ИСПИВАТЬ, испить что, пить, выпить – на (у) пиваться допьяна <...> испиваться, испиться, спиваться, пьянствовать без меры, предаваться пьянству <...> Испивной или испивочный, к испитию относящ. испитой, малокровный, худосочный, как бы лишившийся крови, истощенный, исхудалый, тощий, изнуренный» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995. Т. 2: И–О. С. 53). То есть значения слова «испитой» «подтверждают» двусмысленность речей юродивого.
- ²⁶ В разговоре перед свадьбой дочери волостного дьяка и сына приказчика боярина Кручины холоп Шалонского, Федька Хомяк, рассказывает казаку Кирише о жадности Шалонского, его жестокости: «Нам и от холопей-то его житья нет» (с. 78).
- ²⁷ Польский воевода, один из инициаторов похода в Россию; после захвата Москвы в 1610 г. стал начальником польского гарнизона.
- ²⁸ Ср.: «в тебе не достает того, за что можно было бы продлить твое существование». (Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 1. С. 101).
- ²⁹ Гетман литовский, направленный польским королем Сигизмундом III в сентябре 1611 года в Москву на помощь Гонсевскому, осажденному новгородским ополчением.
- ³⁰ См. примеч. 12 Загоскина к 3-й части романа: «Священник села Кудиново, отец Еремей, лицо не вымышленное, хотя о нем и не упоминается в летописях времени междуцарствия» (с. 285). См. также примеч. А. Пескова: *Загоскин М.* Соч. Т. 1. С. 702.
- ³¹ *Лихачев Д., Панченко А., Поньрко Н.* Указ. соч. С. 86.
- ³² *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси / предисл. Д.С. Лихачева, А.В. Меня; коммент. С.С. Бычкова. М., 1990. С. 209.
- ³³ Цит. по: *Аксаков С.* Собр. соч.: в 5 т. / под общ. ред. С. Машинского. М., 1966. Т. 4: Статьи и заметки. Избранные стихотворения. Записки об уженье рыбы. С. 171–172.
- ³⁴ Цит. по: *Загоскин М.* Соч. Т. 2. С. 737.
- ³⁵ *Лихачев Д., Панченко А., Поньрко Н.* Указ. соч. С. 100–101.
- ³⁶ *Топоров В.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. V (УЗ ТГУ. Вып. 284). С. 37, примеч. 54. – Цит. по: *Успенский Б.* Избранные труды: в 3 т.; 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 473.
- ³⁷ *Мотеюнайте И.* Указ. соч. С. 147.
- ³⁸ См. коммент.: *Загоскин М.* Соч. Т. 1. С. 700.
- ³⁹ Подробнее см.: Фонд М.Н. Загоскина (1789–1852). Ф. 291. Оп. 1. № 27: Записная тетрадь под названием «Альбом с автографами М.Н. Загоскина». 17 сент. 1815 г. – 1842 г. На рус. и франц. яз. Чернилами и карандашом. Л. 42.
- ⁴⁰ Фонд М.Н. Загоскина (1789–1852). Ф. 291. Оп. 1. № 100: Письмо А.П. Курбатова к М.Н. Загоскину от 13 июня 1830 г. Л. 1.
- ⁴¹ *Загоскин С.* Из воспоминаний // Загоскин М.Н. Избранное. М., 1988. С. 420.

УДК 821.111(73).09-32+929 [Ирвинг+Бартон]+791.43.05(73)

ОТ РОМАНТИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ: НОВЕЛЛА В. ИРВИНГА «ЛЕГЕНДА О СОННОЙ ЛОЩИНЕ» (1819) И КИНОВЕРСИЯ ТИМА БАРТОНА «СОННАЯ ЛОЩИНА» (1999)

А.А. Петрушина

Саратовский государственный университет
E-mail: seecow@mail.ru

В статье представлен анализ трансформации произведения одного из основоположников американского романтизма в постмодернистское кинополотно. Материалом для анализа стали новелла Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине» (1819) и фильм Тима Бартон «Сонная Лощина» (1999).

Ключевые слова: литературное произведение, новелла, кино-текст, писатель, режиссер, романтизм, постмодернизм.

From Romanticism to Postmodernism: W. Irving's Novel «The Legend of the Sleepy Hollow» (1819) and Tim Burton's Film Version «The Sleepy Hollow» (1999)

А.А. Petrushina

The article analyzes the transformation of a literary work by one of the founders of American Romanticism into a post-modernist film canvas. Materials for the analysis are a short story by Washington Irving, «The Legend of Sleepy Hollow» (1819) and a Tim Burton film, «Sleepy Hollow» (1999).